

Н. П. ДРОБОВА

**БИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ О РУССКИХ ПИСАТЕЛЯХ XVIII в.
КАК ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ**

Биографические предания о русских писателях появились в первой половине XVIII в., и с этого времени активно участвовали в литературном процессе XVIII—нач. XIX в. Ими широко пользовались в литературной полемике, они служили одним из основных средств создания литературных репутаций¹ писателей XVIII в. в сознании современников и потомков, часто составляли основу писательских биографий.²

Публикации биографических преданий о писателях XVIII в. появлялись с подзаголовком «анекдоты». Этот термин в XVIII—нач. XIX в. применялся к произведениям разным по объему и характеру содержания. Одни из них воспринимаются сейчас как романы, другие — как повести (от 2 до 10 с.), существовали еще и разнообразные «краткие» формы (от 2 с. до нескольких строк). Не случайно В. В. Сиповский, предворяя библиографический перечень повестей и романов XVIII в., писал: «Труднее всего было отграничить повесть от анекдота, роман от эпопеи...»³ Издатели журналов и сборников создавали тематические подборки, выделяя «ученые», «театральные», «любопытные», «детские», «исторические» и др. анекдоты.

Ни объем, ни остроумная концовка не являлись дифференциальными признаками жанра. Самым устойчивым критерием стало прямое значение слова — «неизданное», «неизвестное».

¹ См.: [Без подписи]. И. С. Барков (Биографический очерк). — В кн.: *Сочинения и переводы И. С. Баркова*. СПб., 1879, с. I—V; *Дмитревский И. А.* Слово похвальное Александру Петровичу Сумарокову. СПб., 1807.

² См.: *Бангши-Каменский Д. Н.* Словарь достопамятных людей Русской земли. Ч. I—V. М., 1836; дополнения под тем же заглавием. Ч. I—III. СПб., 1847; *Капнист В. В.* Жизнь сочинителя. — В кн.: *Хемницер И. И.* Басни и сказки. СПб., 1799, с. I—VII.

³ *Сиповский В. В.* Из истории русского романа и повести. СПб., 1903, с. 11.

Такое положение во многом объяснялось двумя моментами. Во-первых, в России за короткий срок была усвоена многовековая европейская традиция. Во-вторых, система прозаических жанров русской литературы в XVIII—нач. XIX в. находилась еще в процессе формирования: для большинства жанров не были выработаны четкие критерии. Кроме того, представление об анекдоте как самостоятельном жанре появилось сравнительно поздно (в конце 20—нач. 30-х гг. XIX в.), когда эпоха его расцвета уже заканчивалась.

В сознании авторов справочных пособий того времени и курсов по теории литературы анекдот существовал как некий единый жанр, не разграничивались разные его типы; характеризовалась обычно одна из разновидностей.

Можно попытаться воссоздать представление интересующей нас эпохи о биографическом анекдоте, обратясь к ее свидетельствам.

Лицейский профессор Н. Ф. Кошанский в «Частной реторике»⁴ определяет анекдот как «что-то неизданное, оставленное Историею, забытое в Жизнеописаниях, но показывающее редкую черту характера, ума или сердца знаменитого человека. Содержанием анекдота бывают умные слова или необыкновенный поступок. Цель его: объяснить характер, показать черту какой-нибудь добродетели (иногда порока), сообщить любопытный случай, происшествие, новость... Достоинство их: в новости, в редкости, в важности...»

Попытка деления анекдотов по характеру их содержания предпринята А. Никитенко в статье для «Лексикона» А. А. Плюшара. Он отметил следующие разновидности жанра: «1) краткий рассказ какого-нибудь происшествия, замечательного по своей необычности, новости или неожиданности и пр.; 2) любопытная черта в характере или жизни известного лица; 3) случай, подавший повод к остроумному замечанию или изречению». Далее следует характеристика анекдота во втором понимании слова: «Анекдот важен в историческом отношении, если касается до какого-нибудь достопримечательного лица; он может служить к объяснению его характера, тайных движений его сердца и страстей. Историк однакож обращает на него внимание только тогда, когда оный находится в связи с другими обстоятельствами жизни изображаемого им лица. Впрочем, настоящее место анекдотов не в истории прагматической, а в записках (mémoires) и биографиях».⁵

Приведенные высказывания и эмпирические наблюдения позволяют заключить, что под русским биографическим анекдотом XVIII—нач. XIX в. понималась сначала устная, а затем и

⁴ Кошанский Н. Ф. Частная реторика. СПб., 1832, с. 65—66.

⁵ А. Н—ко. Анекдот. — В кн.: Плюшар А. А. Энциклопедический лексикон. СПб., 1835, т. 2, с. 203.

письменная фиксация каких-то поступков, высказываний и вообще событий жизни выдающихся людей (в частности, русских писателей XVIII в.).

Публикации анекдота, как правило, предшествовал период устного бытования. От длительности этого периода и от популярности предания во многом зависит степень фактической точности той или иной редакции. В письменной, как и в устной, культуре анекдот существовал обычно в нескольких вариантах (авторами их были разные лица).

Чтобы проследить отмеченную выше зависимость, попытаемся сравнить разные редакции одного анекдота. Вот известный анекдот о Е. И. Кострове, впервые опубликованный С. Глинкой: «Два офицера встречаются в трактире; один с видом отчаяния рассказывает другому, что он выронил 150 р., что у него нет теперь ни копейки, а завтра полк его выступает в поход. В комнате сидел еще незнакомец, который это слышал. Дождавшись выхода обоих офицеров, он догоняет их на улице: „Государь мой! — говорит одному из них, — вы потеряли 150 р.; я их нашел — вот они“. Потом, вложив в руку его ассигнации, уходит. Кто был этот незнакомец? — Е. И. Костров, известный лирический поэт и переводчик Илиады и Оссиана. Он вычел эту сумму из собственных 200 р., полученных накануне от Суворова-Рымникского в подарок за поднесенную эпистолу».⁶

Через год этот же рассказ появился в «Журнале российской словесности»,⁷ но здесь было сказано, что Костров получил не 200 р., а 150 и не за эпистолу, а за перевод Оссиана. У М. Макарова⁸ к этому прибавлено, что событие произошло в 1791 году. Д. Н. Бантыш-Каменский (см. примечание 2) использовал анекдот в биографии Е. И. Кострова в таком виде: «В 1787 году императрица пожаловала ему (Кострову) тысячу рублей новыми ассигнациями за перевод Илиады. Он тотчас отправился с этими деньгами в Царегородский трактир. Там, куря трубку, с стаканом в руке мечтал: „Завтра полечу в Питер. Это не Москва! Стоит только явиться прилично! Моя лира знакома императрице. Теперь я попаду на путь торный. Костров не профессор, не учитель; но что!.. Может быть, он будет?..“ Тогда сел подле него офицер, на лице которого яркими красками была начертана глубокая печаль. Костров предложил ему любимый свой напиток и, к удивлению, получил отказ; спрашивал, о чем он так сильно горюет. — „Оставьте меня, — отвечал офицер, — я несчастен!“ Но сердобольный Костров продолжал свои настояния, и офицер, выведенный из терпения его вопросами, отвечал с сердцем: „Что

⁶ С-й Г-а. [Сергей Глинка]. Русский анекдот. — Друг просвещения, 1804, ч. IV, с. 247.

⁷ [Без подписи]. Анекдот. — Журнал российской словесности, 1805, ч. II, с. 224.

⁸ Макаров М. Карин и Костров. Записки прежних лет. — Маяк, 1840, ч. III, с. 139.

о том говорить, чему нельзя пособить! Я бедный человек, а теперь самый несчастный: потерял казенных денег восемьсот рублей и должен променять шпагу на тесак!“ Услышав это, Костров сказал: „Я нашел ваши деньги и не хочу воспользоваться ими“. С этими словами положил он на стол восемьсот рублей перед удивленным офицером и тотчас ускользнул из трактира, но служители знали Кострова, и благодетельный подвиг его сохранился для потомства».

Наблюдение над приведенными вариантами показывает, что та или иная редакция сохраняет обычно лишь исходный момент сюжета.

Автор анекдота, веря в реальность этого исходного момента, стремится создать иллюзию достоверности и у читателя. Один из способов достижения этой цели — непосредственное указание источника: когда, от кого (обычно от близкого герою лица) слышал он то или иное предание. Например: «Княгиня Надежда Ивановна, племянница Хераскову по мужу своему и отменно им любимая, сообщила мне следующий анекдот...»⁹ и т. п.

Насколько установка на подлинность далека от фактической точности, можно судить по сделанному уже сопоставлению редакций анекдота.

Часто анекдот строится на комбинации биографического свидетельства и вымысла, и в этом случае иллюзия реальности возрастает. В качестве примера можно рассмотреть два анекдота А. Рихтера о Сумарокове: «В журнале „Сын Отечества“ (1818, № 49) напечатано из переписки барона Гримма письмо императрицы Екатерины к трагик Сумарокову, где она с тонкостью делает ему замечания насчет неблагопристойного поведения. Поэт поссорился с одною актрисой и не хотел, чтоб она играла в его трагедии; но главнокомандующий в Москве желал видеть пьесу, и актриса взопла на сцену. Сие так раздражило поэта, что он в гневе взбежал на сцену и прогнал за кулисы театральную царю. Опасаясь худых последствий, написал он к Екатерине сии стихи:

Екатерина, зри! проснись, Екатерина!
Одна от гроба зрит, другая зрит от трона!
От них и с небеси мне будет оборона.

Сие письмо, как справедливо замечает переводчик, есть грамота для архива российской словесности. Полагая, что читателям нашим приятно будет узнать о происшествии, которое было последствием сего случая, я намерен рассказать оное.

Сумароков, огорченный насмешками на его счет по случаю отзыва императрицы к фельдмаршалу Салтыкову, написал басню „Кукушка“, помещенную после в собрании его сочинений; между тем Державин, не будучи еще известен на поприще словесности,

⁹ Баргенов Ю. Н. Из записок. Рассказы о Хераскове. — Русский архив, 1879, № 9, с. 28.

проезжая через Москву, в Казань, услышал о сей басне и написал на Сумарокова небольшие стихи, которые заключал так:

Сорока что соврет,
То все слывет за бред.

Сии стихи распространились по городу с подписью Г. Д. и дошли, наконец, до Сумарокова, который, будучи сим раздражен, употребил все старание отыскать сочинителя. На домашнем театре князя Петра Михайловича Волконского игрывал молодой человек Гаврила Дружеруков, упражнявшийся в словесности. Для Сумарокова было сего и довольно. Он призывает его к себе. Молодой литератор, почитая за честь приглашение знаменитого поэта своего века, приходит к нему. Сумароков осыпает его ругательствами за сатиру и, не принимая никаких оправданий, отпускает так же, как и встретил. Молодой человек имел благородное сердце: он простил слабость поэту. Дружеруков вместе с некоторыми московскими вельможами участвовал в пожертвовании деньгами на погребение Сумарокова, приличное званию и славе сего автора, умершего в крайней бедности, и сочинил в честь ему стихи под названием „Разговор в царстве мертвых Сумарокова и Ломоносова“». ¹⁰

В первом случае реальным фактом биографии является то, что московский градоначальник назначил представление трагедии против воли Сумарокова и что последний написал два письма Екатерине по этому поводу. Эпизод же с актрисой, в том виде, как он рассказан, вымышлен, т. е. по письмам Сумарокова к императрице известно, что он в день представления не был в театре и что на сцену выбегал Салтыков. Во втором — реальна подробность биографии Державина: он действительно автор приведенной эпитафии на Сумарокова, достоверно и то, что последний умер в бедности. Но можно сомневаться в том, имело ли место основное событие. Дружерукова звали Алексей (это известно по найденной, но значащейся в описи ¹¹ библиотеки гр. Д. Н. Шереметева книге «Песни Алексея Дружерукова» (М., 1777)), но никаких биографических свидетельств о нем обнаружить пока не удалось. Н. Е. Струйский называет Ф. Г. Карина автором «Разговора о царстве мертвых Ломоносова с Сумароковым» в сочинении «Апология к потомству от Николая Струйского или начертание о свойстве права Александра Петровича Сумарокова», а также в «Письме к Федору Григорьевичу Карину». ¹²

¹⁰ А. Р. Анекдот о Сумарокове. — Соревнователь просвещения и благотворения, 1819, ч. 6, с. 220.

¹¹ (Б. а.) Опись библиотеки, находившейся в Москве, на Воздвиженке, в доме графа Дмитрия Николаевича Шереметьева до 1812 г. СПб., 1833, с. 465, № 358.

¹² Струйский Н. Е. Соч. СПб., 1790, ч. I, с. 189—190, 305.

Внешняя достоверность этих анекдотов создавалась еще и тем, что поведение героя не противоречило уже сложившейся его репутации.

Представление о характере конкретного человека на основании созданного в преданиях образа определяло ряд деталей, а иногда и основу анекдота. Тогда последний приобретал уже качество художественной литературы — достоверность психологическую.

Такая достоверность, как и в мемуарах,¹³ часто зависела от авторского отношения к герою. Эта зависимость особенно ярко проявлялась в тех случаях, когда один и тот же герой обладал противоположными качествами в анекдотах разных авторов.

Примером могут послужить анекдоты С. Н. Глинки в его «Записках» (СПб., 1895) и И. А. Дмитриевского в «Слове...» о Сумарокове. Созданный в них образ не тождествен общепринятому представлению о писателе. Вот один из таких анекдотов: «Хотя фортуна редко к нему улыбалась, но он был щедр даже до расточения, особливо к бедным и неимущим. Некогда в прогулке своей (нельзя пропустить сего происшествия), некогда встретился он с израненным, но оставленным без пропитания офицером, молящим его о милости. Томный голос, томное лицо, порядок в рассказах, лохмотное рубище, изможденного страдальца едва прикрывавшее, столь сильно Сумарокова тронули, что он, не имея ни при себе, ни дома денег, скинул с себя мундир, обложенный по тогдашнему обычаю золотым широким гасом, отдал его воину, а сам возвратился в плаще своего служителя, за ним следовавшего. Тотчас поехал во дворец и чрез представительство свое доставил и место и содержание раненому на службе отечества. Странная, но сострадательная сия щедрота показывает ясно, сколь много получил он благословений от одолженного и сколь велика была доброта его сердца. Неприятели его сему происшествию смеялись, но истина скоро заградила уста нечестивых. Императрица Елизавета возблагодарила Сумарокова за сей поступок драгоценным перстнем».¹⁴

Анекдот очень близок мемуарам, но в отличие от них редко является «фактом жизненного опыта» самого автора. Авторская «память» обычно складывается здесь из «памяти» многих рассказчиков.

Анекдоты часто встречаются в произведениях большого объема: мемуарах, статьях, письмах и т. п. Но их нетрудно узнать: анекдоту свойственна структурная законченность. Своеобразную «рамку» анекдота составляют ссылка на источник и авторская оценка героя, т. к. чаще всего, анекдот служит иллюстрацией той или иной черты характера. Кроме того, автор часто предупреждает читателя, что далее следует анекдот.

Форма анекдота, «способ эстетической организации материала» во многом определяются целью, которую ставил перед собою ав-

¹³ Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л., 1973.

¹⁴ Дмитриевский И. А. Слово похвальное Александру Петровичу Сумарокову, с. 37.

тор. Иногда он стремится просто сохранить факт жизни писателя, скупо и по возможности точно передавая его, как и требовал того исторический жанр. В качестве примера можно привести анекдот Н. (Бодянский О. М.?), отразивший читательское восприятие «Душеньки» И. Ф. Богдановича в первой пол. XIX в.: «Покойный мой отец жил в Петербурге, когда явилась „Душенька“ И. Богдановича. Известно, как она поразила всех. Но тогда же носилась молва, что Богданович в создании ее ни мало не участвовал. Жил-де у него под протекциею молодой человек, поручивший себя руководству такому именитому писателю, как Богданович. Исполнит Федорович этого молодого человека выдавал за переписчика своих сочинений, а молодой человек в своем кругу тайком читал и свои сочинения, на которые дерзал, в том числе читал и отрывки „Душеньки“. Этот молодой человек от занятий потерял здоровье и вскоре умер. Все бумаги достались Богдановичу. Вскоре затем вышла „Душенька“ и доставила вечную славу Богдановичу задаром. Может так говорила зависть, но чудно, и еще удивительнее, что и современные и посмертные завистники упускали замечание: чудно то, почему Богданович до „Душеньки“ никогда не писал ничего подобного, а прославился „Душенькою“, новым родом писания, продолжал все как писал и до своей славы. Извини меня, покойник! я не из завистников его и не пишу стихов, а, воля его, в „Душеньке“ не его перо и воображение».¹⁵

Но обычно автор старается создать психологический портрет героя, показать яркое проявление характера в той или иной ситуации. В этом случае рассказ приобретает черты литературного жанра, становится похожим на «краткую повесть» (сохраняя при этом «установку на достоверность»). Не случайно Н. Греч относил к разряду «прозаических повестей» и такие «самые краткие повести или анекдоты, из коих истинные принадлежат к истории».¹⁶

Внешний признак сходства биографического анекдота с повестью конца XVIII—начала XIX в. (той ее разновидностью, которую условно можно назвать новеллой, литературным анекдотом и т. п.) — краткость повествования. Но все же анекдот, как правило, короче повести. Здесь отсутствуют «необязательные» описания быта, природы (как и в поздней новелле).¹⁷ В повести — это один из элементов «композиционного строения».

Сюжет такого анекдота, как правило, однолинеен. Число действующих лиц — максимально ограничено. Если для большинства «кратких повестей» каноничным является «двучленное построение», то здесь главный герой один.

¹⁵ Н. (Бодянский О. М.?). Подозрение о Богдановиче. — Москвитянин, 1842, т. I, № 1, с. 176.

¹⁶ Греч Н. И. Учебная книга русской словесности... СПб., 1830, ч. III, с. 326.

¹⁷ Реформатский А. Опыт анализа новеллистической композиции. М., 1922, вып. 1.

Действие биографического анекдота развивается в небольшой отрезок времени, характерно отсутствие временных сдвигов. В повести (даже краткой) действие может охватывать много лет, часто хронологическая последовательность не соблюдается.

Непрерывное свойство сюжета в анекдотах этого типа — динамизм. Один из способов достижения его — смена манеры повествования. Это происходит, например, в анекдоте о Богдановиче и его слуге Павле: «Богдановичу после родителей досталось наследство небольшое. Ипполит Федорович отказался от своей части в пользу сестры, а себе взял только одного дворового мальчика, Павла, который с тех пор и находился при нем, исправляя должность комердинера. Он сам учил мальчика грамоте, привык к нему и обходился как с родным. Случилось Богдановичу в то время, как он жил в Москве и служил в Архиве, получить откуда-то или скопить 1600 рублей. Один приятель Павлов, тоже чей-то дворовый человек, услышав об этой сумме, подговорил Павла украсть ее, а после бежать вместе с ним. Между тем сам он, принявшись за такую же операцию возле своего господина, попался и рассказал весь свой умысел. Господин отправился к Богдановичу.

— Мне нужно поговорить с вами, — сказал он; а Павел стоял тут же.

— Что прикажите?

— Мне нужно поговорить наедине.

— При этом человеке вы можете говорить все, что угодно; это мой близкий.

— Нет, — я прошу вас выслать его.

— Пожалуй! Что вы желаете?

— Он собирался украсть ваши деньги и бежать с моим человеком, которого я поймал и получил это признание.

Богданович изумился. Распростившись с неизвестным, он призвал к себе виноватого.

— Паша! Не обидел ли я тебя?

— Помилуйте, я вами всегда доволен.

— Но я замечаю, что ты становишься недоволен мною.

— Никак нет-с, ничего.

Богданович не сказал больше ни слова, отправился в Гражданскую Палату, написал отпускную, засвидетельствовал ее и, воротясь домой, позвал Павла.

— Вот тебе отпускная! Зачем ты хотел уйти от меня тайком? Ведь ты погиб бы. Товарищ твой плут, выманил бы у тебя деньги, и ты остался бы ни с чем. Тебе надо было сказать мне просто, что не хочешь жить у меня. Я не стану держать тебя поневоле. Вот тебе половина моих денег.

— Виноват, батюшка! простите! — закричал Павел и повалился ему в ноги. — Я останусь у вас навеки.

— Пожалуй, — сказал Богданович, — останься, но если ты соскучишься у меня, захочешь уйти, то вот отпускная будет лежать

здесь за зеркалом. Ты можешь взять ее всегда, только, пожалуйста, не бери всех денег, а оставь мне половину.

Этот Павел оставался при Ипполите Федоровиче до его кончины, и рассказал сам об этом происшествии в Курске Михаилу Семеновичу Щепкину, от которого я слышал этот анекдот уже лет 10 назад, а теперь записал, чтоб сохранить драгоценную черту добродушия в знаменитом нашем авторе „Душеньки“». ¹⁸

Здесь рассказ ведется то от лица автора, то, как в драме, строится на обмене репликами. Между «драматическими» кусками происходят события, переданные одной-двумя фразами автора; столкновение противоположных манер и рождает динамику. Невыдержанность в одном темпе, ритмические перебои свойственны анекдотам со сравнительно продолжительным повествованием. Это и свидетельство незавершенности литературной обработки.

Текст биографического анекдота XVIII—нач. XIX в. от текста литературного отличает еще и высокая степень неустойчивости (как в фольклоре).

Биографический анекдот, таким образом, близок документальной литературе своей установкой на достоверность, художественной литературе — формой «краткой повести» и, наконец, фольклору — текстуальной неустойчивостью, вариативностью. Анекдот мог легко переходить в любой из этих разрядов, но не совпадал полностью ни с одним из них. Биографический анекдот, вероятно, — результат взаимодействия двух типов культур: устной и письменной, и двух видов литературы: документальной и художественной.

С развитием жанра биографии, с появлением научной биографии писателя анекдот перестает быть первостепенным документальным источником. Подход к нему в этом отношении становится более критическим.

Общей тенденцией в развитии анекдота было требование остроумной концовки и измеряемого мгновением временного пространства. Оно окончательно оформилось к 30-м годам XIX в. Анекдоты о писателях XIX в. в большинстве своем имеют мало общего с рассмотренными выше и представляют собой уже другой этап в развитии жанра.

---

¹⁸ М. П. (М. Погодин). Анекдот о Богдановиче. — Москвитянин, 1853, № 13, с. 30.